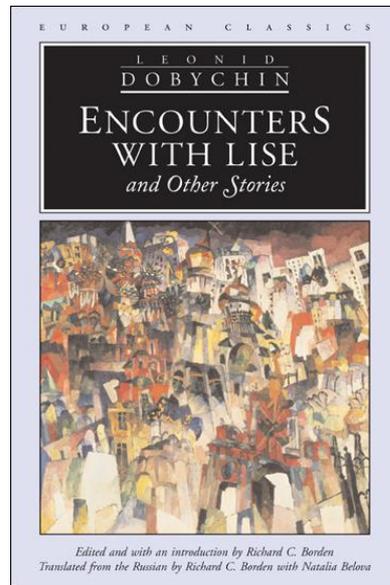

МБУК «ЦСОБ» города Брянска
Городская библиотека № 1

**«Культурно-исторический контекст
«Брянских рассказов»
Леонида Добычина»**

Жизнь и творчество одного из самых загадочных писателей XX века входит сейчас в круг широко обсуждаемых литературных тем. Известно, что поэт Иосиф Бродский как-то назвал Добычина самым талантливым писателем XX века. Между тем, многие библиотеки нашего города не имеют в своих фондах полного собрания сочинений и писем Л. Добычина, в котором остро нуждаются.

Читателю, окунающемуся в стихийный мир прозы Добычина, не мешало бы, как мне кажется, ознакомиться с книгой Эльвиры Голубевой «Писатель Леонид Добычин и Брянск». В нее вложен огромный труд, дана летопись жизни и творчества писателя, обозначены все места его обитания. Эта книга является примером серьезного и честного литературоведения, не создающего документально не подтвержденных сомнительных легенд, не выхолащивающего произведения писателя ради их подтверждения. Может быть, вы спросите меня, не проще ли сразу начать с прозы Добычина? Книга Эльвиры Голубевой помогает легче войти в его непростой мир, ибо пропитана любовью к «уездному сочинителю»...

Впервые после долгого забвения в газете «Книжное обозрение» от 14 августа 1987 года были напечатаны одни из лучших рассказов Леонида Добычина – «Отец», «Сад» и «Пожалуйста».

В предисловии к этой публикации говорилось о том, что писателя почти забыли, а если помнят, то лишь в Ленинграде – литераторы старшего поколения. Вениамин Каверин уделил ему главу в своих воспоминаниях: «Он никого не напоминал. Он был сам по себе. Он существовал в литературе – да и не только в литературе – ничего не требуя, ни на что ни рассчитывая, не

оглядываясь по сторонам и не боясь оступиться. Он, как и Зощенко, ненавидел пошлость, мещанство, обывательщину, только у Зощенко оружием был смех, а у Добычина – печаль».

Затем была книга, вышедшая в издательстве «Художественная литература» в серии «Забывтая книга». Именно в ней был опубликован роман «Город Эн» и рассказы Дмитрия Добычина, тесно связанные с Брянском, где он прожил 16 лет своей зрелой жизни, попав сюда уже взрослым, сложившимся человеком.

Много ли писателей 20-30-х гг., повествующих о жизни провинциальных городов этого периода, мы можем назвать? Это Пильняк, Замятин, Зощенко, всеми любимые Ильф и Петров. Но Добычин резко выделяется из этого ряда. «Позиция Добычина может сойти за изображение гримас НЭПа, однако в этом маскараде автор видит нечто большее. Его нарастающий конфликт со временем связан с невозмутимостью повествователя-наблюдателя, который, однако, с внутренним напряжением, завуалированным иронией, следит за перерождением обывателя» – пишет в предисловии к книге Виктор Ерофеев. Проза Добычина наиболее близка к роману «Мелкий бес» Федора Сологуба. Но у того – изменить эту жизнь нельзя, от нее можно лишь сбежать в другое измерение. У Добычина такого измерения нет: жизнь тождественна самой себе, от нее никуда не сбежишь. И провинция оказывается чем-то большим, чем просто провинцией. Это образ человеческой комедии, в которой пространство разъято, а реакции людей на события зачастую странны и неадекватны.

Добычин писал о том, что в обычной жизни проходит незамеченным, о мимолетности, встречающейся на каждом шагу. Почти в каждом рассказе Добычина присутствует тема смерти – самоубийцы, похороны, кладбища. Образы в рассказах писателя незабываемы, но пересказать – невозможно. Блестящие зарисовки жизни русского уездного захолустья 20-30-х гг..

И это захолустье – предмет его пристального писательского изучения – наш родной город! Он работал служащим разных брянских контор и по его собственным словам «убил 16 лет». Следует заметить, что не столь нелюбимый им город Брянск «убил» самого писателя! Именно Ленинград, в который он так рвался, стал последним городом в его жизни. 20 марта 1936 года после писательского собрания, где ему были предъявлены обвинения в идейной враждебности, он исчез, и как оказалось – навсегда.

Но существует провинциальный Брянск 20-30-х гг., оставшийся на страницах его книг.

И, как ни странно, со временем творчество Добычина вошло в число широко обсуждаемых литературных тем. Почему? Существует «загадка Добычина», представляющая неослабевающий интерес для филологов. Пример тому – роман московского прозаика Дмитрия Данилова «Описание города» и последующие исследования этого произведения (Ирины Роднянской, Сергея Лебедева «Портрет художника в топосе: Брянская одиссея Леонида Добычина глазами Дмитрия Данилова»). Один писатель идет маршрутом другого по уже современному Брянску, чтобы понять принципы и приемы построения его прозы. Роман читается на одном дыхании, разгадываемый как ребус. Но добавил ли он что-то в понимание добычинской прозы, ее обаяния, ее загадки? Для меня – нет. Роман был очень

интересен как блестящий филологический эксперимент. И что называется – респект автору за пристальное внимание к Брянску как от меня, так и от всех жителей нашего города. Особенно, и это я подчеркиваю, от коренных жителей, тех, у которых предки существовали в то же время, в том же культурном пространстве, и с теми же историческими реалиями, как и Леонид Добычин. У кого в семейных альбомах хранятся фотографии от Зискинда или Маковского, кто помнит рассказы своих близких об этих временах...

То, что научно называется «культурно-историческим контекстом» рассказов Леонида Добычина, составляло обыденную жизнь моих близких людей. Это накладывает некую дополнительную ответственность и требует необыкновенно бережного отношения к творчеству писателя.

«Не дай вам бог жить в эпоху перемен». Слом эпох, резкое изменение привычной жизни не может пройти без ущерба для сознания. Эти времена открывают как лучшие, так и худшие качества человека. Брянские рассказы Добычина фиксируют это с филигранной точностью. Странная проза, странное, страшное время. И да простят меня, но вольно или невольно мне придется обращаться к воспоминаниям своих бабушек, воспоминаниям своей матери не ради их светлой памяти, но лишь для того, чтобы проиллюстрировать ту бесценную информацию, которую несет для нас проза Добычина. В данном случае не только блестящая литература, но и исторические хроники.

Леонид Добычин приехал в Брянск летом 1918 года. Рассказ «Прощание» открывает тему Брянска. Все рассказы Добычина о Брянске разгадываются как своеобразный ребус: топосы, персоналии, сюжеты (а вернее бессюжетность большинства рассказов) удалены от нас временем, люди, существовавшие в них, вымышленные и реальные, уже ушли в небытие. Но если вдруг четко понимаешь, о чем идет речь, – испытываешь огромное удовлетворение.

Первое место проживания писателя – Привокзальная слобода, одна комната и пять членов семьи. Тот квартирный вопрос, который испортил человечество, в Брянске стоял очень остро. А в это время город был перенаселен. Есть два первоначальных описания города:

1. из окна поезда: «...многие из числа путешествующих отмечали величественную красоту этого древнего города; отвесную крутизну гор, белизну стен, сияние крестов и куполов многочисленных церквей, здания, словно выкованные из матового серебра»;

2. вблизи: «огородные плетни делили склоны города на кривые четырехугольники. Дымили трубы фабрик. Серые заборы нависали. Улицы,

которые «спускались и взбирались» были столь круты, что люди скользили по деревянным настилам, цепляясь за перильца».

Только два рассказа – «Лепком» и «Ерыгин» связаны с привокзальем. Остальные рассказы – с центром города, с которым связана и жизнь моей семьи.

Следующее место обитания семьи – центральная часть Брянска (ул. Октябрьская, 47). Здесь семья прожила до 1934 года. Этот дом принадлежал брянскому купцу Михаилу Гавриловичу Добычину, дальнему родственнику отца.

Центральной улицей города в те времена была улица Московская (при Добычине – III Интернационала, сейчас – ул. Калинина. Там же проживали мои предки). В одном из рассказов упоминается о непролазной осенне-весенней грязи на этой улице, «где у Фани Яковлевны засосало калошу». Следует заметить, что ближайшая к Московской улице, ныне Урицкого, была заселена евреями. Там же находилась и синагога. Еще одна примета Московской улицы – по ней шли старухи с вениками, подпоясанные полотенцами (по ул. Пионерской до сих пор находится баня). Московская улица (III Интернационала) в рассказах Добычина иногда обозначена как ул. им. Москвы. Она проступает в описании набережной, Новопокровского собора, гордости города (взорван в 1968 году). В рассказах присутствуют и брянские горы – Рождественская, Авиловская, Покровская, Комаревская, Петропавловская улица (пр. им. Ленина), брянские церкви, Верхний и Нижний Судки, стадион и Тюремный Замок за ним. В эти годы торговый и деловой центр Брянска переносится в район теперешнего центра города.

К его проектированию привлекают профессора Московского архитектурного института Александра Николаевича Гринберга, который работал в стиле конструктивизма. Им созданы такие здания, как Главпочтамт, старое здание технологического университета (ранее – здание Банков и промышленности). Строительство первых многоэтажных брянских домов (4-хэтажных) по ул. Луначарского и Фокина отображено в рассказах писателя.

Особое место в жизни города занимал изумительной красоты сквер (ныне сквер им. Тютчева), спроектированный Гринбергом. Он присутствует в рассказе «Сад». Садовником этого сквера был китаец Чау-Динши. Он был хорошим знакомцем моей бабушки и все звали его Евгением Павловичем. Он имел лавочку на центральном рынке у Покровского собора, где продавались всякие поделки (разноцветные бумажные зонтики, китайские фонарики и проч.). Недалеко от центрального рынка находилась парикмахерская «Андрэ», еще один адрес, обозначенный автором.

В некоторых рассказах Добычина мелькают библиотеки. Одна из них при клубе им. К. Маркса (на месте нынешней Брянской областной научной

универсальной библиотеки): «На столике в конце аллеи привлекательно раскладывала книжки библиотекарь клуба Годулевич» (Е.И. Цуккерман).

Во времена Добычина – мощное физкультурное движение охваченной энтузиазмом жизненного переустройства молодежи – организация спортзала в кладбищенской церкви Покрова Пресвятой Богородицы.

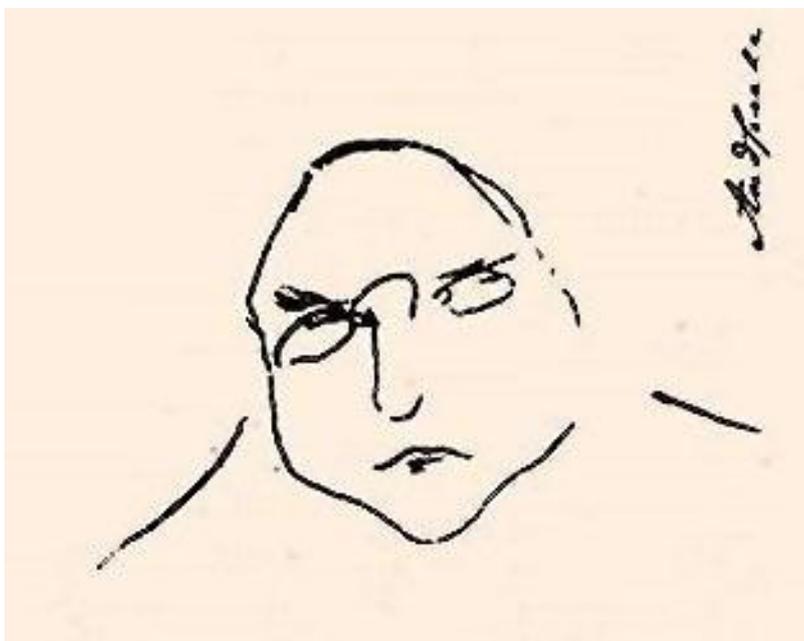
В рассказе «Сад» делегаты Окружного союза «Медсантруд» ходят у клумб, поэтесса Липец (Липецковская) читает стихи «Гудками встречен день. Трудящиеся». Черняковой объявляют, что ее уволят, если она будет принимать гостей. Через сад (сквер) идет похоронная процессия. Хоронят уборщицу Таисию. Жарко. Все спешат пообедать по делегатскому талону. Грохочут телеги. С лугов прилетает запах сена... И вдруг, абсолютная брянская реалья: Чау-Динши прошелся с колокольчиком. Он запер на замок калитку и пошел к Прокопчику (я начинала свою работу в Брянской областной библиотеке, в отделе книгохранения, под началом Михаила Иосифовича Прокопчика, брянского старожила, много рассказывавшего мне, любопытной девице, о старом Брянске). В этом рассказе речь идет об его отце – друге китайца Евгения Павловича. Читая брянские рассказы Добычина, испытываешь и радость узнавания, и восторг, и неприятие...

Особая страница брянской истории – трагедия Новопокровского собора. В рассказе «Козлова» (1923) он описан как действующий. В дальнейшем судьба его печальна – что только не происходило в его стенах: там открывался музей науки, размещался кинематограф, работали передвижные цирки... А в здании театра, построенного в 1926 году, выступал богослов, митрополит А.В. Введенский. В дальнейшем (по воспоминаниям моих близких) в брянских церквях произошел раскол. Некоторые из них приняли идеи обновленчества, другие – нет. И паства в этих церквях была совершенно разная.

Эпоха абсурда... Семья Добычиных бедствует, несет тяжкие потери (братья Николай и Дмитрий расстреляны).

Но экзистенциальный конфликт Добычина с миром нельзя сводить просто к идеологическому конфликту с эпохой. Ведь он считал, что «зловоние, копоть и смрад» составляют у писателя именно печать эпохи. Он всегда был честен и шел против течения. На нем словно лежало то «золотое кольцо неудачи», о котором писала Анна Ахматова. Он сам по себе является центром собственных философских раздумий. Люди такого типа считают, что все оправдывает честность. Добычин предельно честно и беспристрастно служит эпохе, оставляя нам свои заметки о ней. Ими он словно предостерегает нас против излишнего оптимизма в наших представлениях о человеческой природе вообще. И не так уж важно, в провинции ты находишься или в столице. Предшественники Добычина, писавшие на тему провинциальной жизни (Гоголь, Чехов), скрывали свои нравственные оценки

под объективным слоем повествования. У Добычина иначе. В своих бессюжетных рассказах его сомнение остается в центре философских раздумий.

Абсурдна ли жизнь в 20-30-е годы? Да, абсурдна. Добычин остается сторонним наблюдателем этой жизни, талантливым, но чуждым. Но где бы он был не чуждым? Он «16 лет убил в Брянске», но убил его Ленинград, где ему так же нелегко жилось.

Мы часто смеемся над рассказами Михаила Зощенко. Мы восхищаемся талантом Леонида Добычина. А что если нам попробовать стать на сторону героев этих рассказов? Провести некий литературный эксперимент, ограниченный рамками добычинской прозы. Критики часто объясняют двойственность существования и парадоксальность человеческой жизни в провинциальном городе с его «полудеревенским, полугородским бытом». Но по воспоминаниям своих родных, я могу сказать, что Брянск никогда не был полудеревенским (во всяком случае, центральная его часть). Он был обывательским, мещанским. В этой спокойной, размеренной жизни были свои радости: вечерние чаепития под цветущей сиренью, хождение в гости, свой театр, своя духовная жизнь (17 церквей, переполненных прихожанами). Когда я спрашивала у своей бабушки: «А вам нужна была революция?», она ответила: «Мы и не заметили, как это все случилось...»

Один из любимых моих рассказов Добычина – рассказ «Отец». О чем он? О том, как отец-вдовец ведет двух мальчуганов купаться к реке. Они идут через кладбище, где покоится их мама и где выглядывает из-за кленов пузатенькая церковь с выбитыми стеклами (нынешний парк

им. А.К. Толстого). Они очень спешат, спешат к волнам, которые образуются, когда от пристани отходит пароходик. Им нужно успеть нырнуть в эти волны.

В прозе Добычина всегда присутствует река. Основная радость лета – вечернее купание горожан, а зимой – черные фигурки конькобежцев. Стихия воды – это чисто добычинский прием. Он и сам, видимо, ушел в невскую воду.

Да, конечно, добычинский Брянск абсурден. Абсурден и прежний обыватель, который рядится в новую одежду, чувствуя силу власти. Но мы не можем исключать эту жизнь из контекста времени, предшествующего ей. А это – I Империалистическая война, революция, Гражданская война. И в Брянске не было ни одной семьи, в которой не потеряли бы близких людей. Эти измученные страхом и потерями «обыватели» сохранили между тем высокую человеческую порядочность и подлинное православное терпение. Столь сатирически изображаемое поколение НЭПа (мещан, обывателей и перерожденцев) между тем родило и воспитало тех людей, которые потом воевали на фронтах Великой Отечественной войны, отдали свои жизни за Родину, почитали своих родителей и были порядочнейшими людьми.

Я благодарна писателю Леониду Добычину, что его Брянск 20-30-х гг. – это не сатирическое изображение «гримас НЭПа», не презрительное обличение обывательщины и мещанства. За беспристрастной манерой изображения стоит печаль, грусть и, в конечном счете, то сочувствие и жалость к малым мира сего, которое составляет ядро русской литературы и является его гордостью.

Наталия Пряничникова

27 октября 2015 года